

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.3

Ирина Михайловна Басовец

докторант кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Basovets

Post-PhD Researcher of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
basovets@list.ru

СУБЪЕКТНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

SUBJECT-REFERENCE STRATEGIES IN BELARUSIAN MEDIA TEXTS

В работе выявлены две группы референциальных стратегий субъектных компонентов конструкций (де)авторизации, действующих в белорусскоязычных медиатекстах, которые сопряжены с 1) эмпирическими субъектами (сохранение тождественности референциального статуса субъекта, вуалирование субъектной референции, переход от нереперентного к реперентному статусу); 2) гипотетическими субъектами (конструирование субъектной референции). В статье установлены корреляции между субъектно-референциальными стратегиями и прагматическими функциями исследуемых конструкций с учетом характеристик субъектных компонентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъектно-референциальная стратегия; косвенная референция; гипотетическая референция; псевдонеопределенная референция; кореферентность.

The paper reveals that there are two groups of referential strategies of subject components in (de)authorization structures operating in Belarusian media texts which are connected with: 1) empirical subjects (preservation of the identical subject's referential status, veiling of subject reference, transition from non-referential to referential status); 2) hypothetical subjects (construction of subjective reference). The paper establishes correlations between subject-reference strategies and pragmatic functions of the structures under study, taking into account the characteristics of the subject components.

Key words: subject-reference strategy; indirect reference; hypothetical reference; pseudo-indefinite reference; coreference.

В современных гуманитарных исследованиях, несмотря на широкое обсуждение, ряд вопросов в сфере субъектной референции продолжает оставаться до конца не исследованным, к примеру, выявление референциальных стратегий субъектных компонентов конструкций (де)авторизации в современных медиатекстах, что позволило бы осуществить их системное рассмотрение с учетом эмпирических и гипотетических разновидностей.

Как отмечают лингвисты, при кодировании субъектных компонентов адресант производит операцию номинации и указывает на объект, намеренно употребляя нужное языковое выражение [1, с. 33]; адресат при декодировании информации производит ее деноминацию, а затем референтную оценку и в идеале должен реагировать именно так, как делает это адресант для достижения успешности коммуникации, а для их взаимопонимания важны средства, которые декодируются адресатом в соответствии с замыслом адресанта [2, с. 14]. В современной медиакоммуникации не всегда используются эквивалентные для адресанта и адресата средства выражения субъектных компонентов в исследуемых конструкциях, и применяются различные референциальные стратегии, которые сопряжены с а) эмпирическими и б) гипотетическими субъектами. В обеих разновидностях представлены полные и редуцированные референциальные выражения для кодирования субъекта, сами конструкции при этом реализуют разные прагматические функции. Рассмотрим их подробнее и начнем с конструкций, связанных с эмпирическими субъектами.

1. Сохранение тождественности референциального статуса субъекта

В белорусскоязычных медиатекстах отсутствие изменений в референциальном статусе субъектов конструкций (де)авторизации на протяжении целого текста фиксируется в отношении всех разновидностей субъектов. Совокупность средств номинации одного и того же референта-лица в конкретном тексте обозначается термином «номинативный ряд», который объединен тождеством референта и включает языковые единицы разных функциональных типов: имена собственные (имена индивидов, «индивидуализаторы»), имена нарицательные (имена классов, «типизаторы»), местоименные средства [3, л. 34–35]. Языковым способом сохранения тождественности референциального статуса в пространстве целого текста является использование кореферентных номинаций, а основными способами выражения кореферентности выступают повтор, перифраза, анафора, синтаксический ноль [4, с. 37]. Естественной данная стратегия является для определенных индивидуализированных субъектов, кодируемых полными и редуцированными референциальными выражениями:

Аб гэтым заявіў спецакладчык па пытанні аб дастатковым жыллі Ба-

лакрышнан Раджагапал на сесіі Савета па правах чалавека ААН у Жэневе. Ён адзначыў, што мільёны людзей жывуць у нефармальных паселішчах і аварыйных пабудовах. «Вельмі шмат людзей высяляюць з-за павышэння арэнднай платы, а колькасць бяздомных працягвае імкліва расці», – падкрэсліў эксперт ААН (Звязда, 19.04.2024). В медыатэкстах для кодирования одного и того же субъекта может использоваться не весь набор разнофункциональных единиц (индивидуализатор + местоимение + типизатор), как в приведенном выше контексте, а, к примеру, индивидуализатор + типизатор, сравним: *Аб гэтым **паведаміла ТАСС** са спасылкай на партал Euractiv. Цытуючы вытрымку з ліста ...крыніца падкрэслівае важнасць апэратыўнага вызначэння планаў і тэрмінаў* (Звязда, 13.03.2024). В цитируемом фрагменте кореферентными номинациями с определенным референциальным статусом выступают обладающие идентифицирующей и характеризующей функциями соответственно номинации *ТАСС* и *крыніца* в составе конструкций авторизации. Прагматическими функциями тождественного референтного употребления субъектов является точность маркирования источника информации, передача ему ответственности за сказанное, ссылка на авторитетное или экспертное мнение. Примером контекстного референтного тождества для генерализованного субъекта может служить следующий фрагмент из белорусскоязычной статьи, в котором на всей протяженности текстовой ткани сохраняются как эквивалентный референциальный объем субъектной номинации, так и средство кодирования: ***Эксперты сцвярджаюць, што рызыка бяздомнасці вышэйшая ў сем'яў з дзецьмі і адзінокіх бацькоў; Па меркаванні экспертаў, прычынамі такой сітуацыі стаў рост цэн на жыллё і адсутнасць даступнай арэнднай платы*** (Звязда 19.04.2024). При неререферентном употреблении сохраняется эффект передачи ответственности за сказанное и эффект авторитетности благодаря семантике субъектного компонента «эксперты». В отношении неререферентного неопределенного субъекта тождество в отношении референциального статуса и объема тоже может сохраняться: ***Некаторыя кажуць, што ўсё жыццё пераходзілі чыгуначнае палатно ў неўстаноўленым месцы і далей будуць гэта рабіць; І вельмі здзіўляюцца, што за той жа пераход чыгуначнага палатна там, дзе гэта забаронена, прадугледжана адміністрацыйная адказнасць*** (Звязда, 24.06.2022). При неререферентном неопределенном употреблении сохраняется сдвиг ответственности за сказанное на неидентифицируемых субъектах, при этом точность и авторитетность отсутствуют. Следует отметить, что кореферентные номинации всех референциальных типов находятся, как правило, в линейно-близком текстовом расположении.

2. Вуалирование субъектной референции

В отличие от предыдущей референциальной стратегии, основанной на прямом соотношении языковых средств с кодируемым объектом действительности, рассматриваемая стратегия строится на не прямой отсылке к объекту действительности. Вуалирование референции принадлежит прагматике и определяется не собственно языковыми правилами, а принятыми нормами ведения разговора и знания приемов речевых хитросплетений, а разгадка референции часто зависит от догадливости адресата [5, с. 15]. Примером вуалирования субъектной референции в белорусскоязычном медиатексте может служить следующий фрагмент, в котором за обобщенно-собирательным «мы» скорее всего стоит сам говорящий: *Як адзначыў у эфіры «Альфа Радыё» аналітык Беларускага інстытута стратэгічных даследаванняў Аляксей Аўдонін...: «Мы неаднойчы казалі аб тым, каму ўрэальнасці належаць гэтыя тавары з тэрыторыі Украіны»* (Звязда, 13.03.2024).

Вследствие прагматизации теории референции установилась тесная связь между актом референции, адресантом и адресатом: с одной стороны, акт референции осуществляется говорящим и неотделим от его коммуникативных намерений; с другой стороны, акт референции представляет собой отношение между намерением говорящего и узнаванием этого намерения адресатом с вовлечением в механизм референции контекстуальной информации и фонда знаний собеседников, дополняющих семантику референциального выражения до такого объема, который достаточен для идентификации предмета речи [6, с. 131]. Понимание референции как акта, определяемого намерением говорящего, вызвало интерес к случаям косвенной референции, т.е. намекам, к которым говорящие прибегают при желании высказаться о себе и в то же время не сделать никаких признаний, например, подразумевая себя, говорящий употребляет конструкции типа «*один мой знакомый говорит...*». Отметим, что при подобном употреблении в белорусскоязычных медиатекстах затруднительно распознать намерение адресанта и однозначно определить наличие или отсутствие у автора текста подобного знакомого, равно как и установить реальный или потенциальный диалог с ним: *А то адзін мой знаёмы скардзіцца: маўляў, за дзень не пачуў ніводнага ўдзячнага слова... «А колькі іх сам выказаў?» – пытаю яго. «Ды і не памятаю...» – адказвае* (СБ. Беларусь сегодня, 30.07.2010). В любом случае в подобных контекстах фиксируется несовпадение референции для адресанта и адресата, поскольку «определенность/неопределенность указания на объект могут не совпадать у говорящего и воспринимающего» [7, с. 15].

Когда для указания на определенный объект говорящий использует языковые средства категории неопределенности, имеет место псевдонеопределенная референция, а неопределенные местоимения как традиционные маркеры категории неопределенности и нереферентного субъекта не являются таковыми. Референциальный выбор нетривиальных способов номинации субъекта в высказывании коммуникативно значим, ситуативно обусловлен, позволяет наряду с функцией референции реализовать разные прагматические задачи и для разгадки референции «требуется включения в отношении участников коммуникативной ситуации» [4, с. 23]. В дополнение к употреблению в высказываниях-намеках псевдонеопределенная субъектная референция может носить иронический характер и маркировать отношение говорящего к объекту референции, реализуя оценочную функцию: *Кто-то обещал вынести мусор; Кто-то, наверное, забыл, как надо вести себя на уроке.* При иронической референции говорящий «отсылает» собеседника к одному объекту, имея в виду другой объект, что представляет собой сложную коммуникативную инструкцию, требующую от адресата особых навыков инференции [8, с. 135–137]. В белорусскоязычных медиатекстах псевдонеопределенная субъектная референция, как правило, не реализует иронический эффект, а говорящий делает подобный референциальный выбор, к примеру, для акцента на сообщаемом от имени псевдонеопределенного субъекта или для апелляции к осведомленности адресата: *«Нішто так не небяспечна для любой краіны, як абьякаваець народа». Так сказаў адзін вядомы пісьменнік і меў абсалютна рацыю* (Звезда, 01.06.2023). В цитируемом фрагменте за неопределенной номинацией «один известный писатель» стоит советский и российский мастер деревенской прозы Валентин Григорьевич Распутин, автор повестей «Последний срок», «Живи и помни» и др., при этом наблюдается несоответствие языковых средств кодирования неререферентного субъекта и конкретного объекта референции. При передаче чужой речи выбор способа обозначения референта определяется не только намерениями говорящего, но и фондом знаний собеседников [9, с. 47]. В анализируемом медиафрагменте, возможно, выбор способа кодирования конкретного субъекта средствами категории неопределенности способствует синхронизации говорящего с разнородной массовой аудиторией: декодирование зашифрованного объекта референции у осведомленного адресата не вызовет затруднений, а у неосведомленного не создаст впечатления перегруженности. Следует отметить, что схожие по наполнению конструкции в белорусскоязычных медиатекстах не всегда содержат псевдонеопределенный субъект, сравним: *Хтосьці мудры сказаў, што, калі*

малюеш галінку, трэба чуць дыханне ветру (Звязда, 25.12.2019), где конструкция деавторизации маркирует введение японской поговорки с неустановленным авторством.

3. Переход от нереферентного статуса к референтному

В тех случаях, когда обобщенные референции получают уточнение или распространение, они переходят от нереферентного состояния к референтному. В текстах уточнение может иметь довольно протяженный характер и находится не в рамках предложения, а в широком контексте, а для придания элемента определенности референции именной группы оказывается необходимым создавать целую цепочку, имеющую сложную информационную структуру. Переход к определенной референции сопровождается распространенным описанием, при котором в фокус внимания читателя попадает несколько объектов с соответствующими характеристиками, в результате которого нереферентная именная группа по мере прочтения фрагмента получает уточнение, становится понятной читателю [10, с. 231–232]. Рассмотрим фрагмент белорусскоязычной статьи, где коллективный субъект «фермеры» по мере развертывания текста уточняется и приобретает референтный статус: *Фермеры паведамлі, што Туск папрасіў іх пачакаць да 15 сакавіка, калі ён узніме шэраг важных для іх тэм на ўзроўні ЕС; Прадстаўнікі аграрыяў заявілі, што акцыі працягнуцца; Польскія сельгасвытворцы блакіруюць граніцу з Украінай і, паводле слоў прадстаўніка фермераў Анджэя Сабацінскага, аб спыненні пратэсту размова пакуль не ідзе* (Звязда, 13.03.2024). Проследим сужение референциального объема субъектной номинации, которое обнаруживается не в соседних предложениях, а имеет довольно протяженный характер распределения по тексту статьи: «фермеры» → «прадстаўнікі аграрыяў» → индивидуализированный субъект «прадстаўнік фермераў Анджэй Сабацінскі». Сужение референциального объема субъектной номинации до одного говорящего субъекта может иметь разные прагматические эффекты: от точного цитирования и передачи сведений до одностороннего освещения вопросов с отфильтровыванием как самих говорящих субъектов, так и сказанного ими с возможностью интерпретационной передачи их слов.

Переход от нереферентного к референтному статусу субъектной номинации в медиатекстах может фиксироваться и в отношении референциально диффузных номинаций, основанных на метонимичном переносе. Референциальная диффузность представляет собой одновременную отсылку наименования и к одушевленному объекту, и к коллективу как к множеству, обуславливает кореференцию к объекту познания имени

совокупности лиц и пространственного имени [11, с. 76], что позволяет масштабировать сообщаемое, придать весомость сказанному от имени коллективного субъекта. Примером ее реализации в белорусскоязычных медиатекстах могут служить случаи использования названий стран, регионов, городов, сфер деятельности и т.п. в качестве субъектов ссылочных конструкций: *Навука сцвярджае, што такое немагчыма, бо расліна размнажаецца спорамі* (Звязда, 30.06.2015). Устранение референциальной диффузности в пространстве всего текста возможно посредством сужения референциального объема и конкретизации субъекта конструкции деавторизации: *Гэта рэліктавы від... – расказвае навуковы супрацоўнік лабараторыі біязнастайнасці раслінных рэсурсаў Алеся Кручонак* (Звязда, 30.06.2015). Отметим, что переход нереперентного статуса в реперентный в тексте может и не происходить, сравним: *Уся Германія гаворыць пра «зорны час» Ангелы Меркель* (Звязда, 24.09.2013); *Еўропа і Амерыка кажуць, што цяпер нявыгадна прадаваць актывы* (Звязда, 22.04.2013); *Народная медыцына сцвярджае, што шыпшына зніжае артэрыяльны ціск...* (Звязда, 24.07.2015).

В дополнение к рассмотренным выше референциальным стратегиям, сопряженным с эмпирическими субъектами, в медиатекстах встречается стратегия, основанная на гипотетической субъектной референции с опорой на мыслимые, возможные, неэмпиричные субъекты. Набор языковых средств при этом идентичен предыдущим случаям: полные и редуцированные референциальные выражения для кодирования гипотетического субъекта.

4. Конструирование субъектной референции

При гипотетической субъектной референции говорящий ссылается на потенциальных субъектов при собственном моделировании их возможного диалога или коммуникации от их имени. Введение «додуманной чужой речи» в повествование придает авторскому тексту полемичность [12, с. 17], предоставляет адресанту возможность высказать то, что уже было обдумано говорящим, содержит оценку и «включено в его личную сферу, вписано в его личный контекст и актуализовано в высказывании», а «сам выбор авторизуемого содержания высвечивает личную сферу автора: его предпочтения, потребности, ход рассуждения» [13, с. 383]. В качестве субъектов додуманной чужой речи выступают, к примеру, группа людей или люди вообще в конструкциях с глаголом речемыслительной деятельности с выраженным или подразумеваемым субъектом: *Відаць, кожнаму з вас даводзілася быць сведкам таго, як нехта са знаёмых заяўляў, што не жадае больш працаваць на дзядзьку або на дзяржаву. Маўляў, працадаўцы*

нажываюцца на сваіх супрацоўніках. Вось адкрыць свой уласны бізнес – гэта крута (Полесский курьер, 15.03.2019); **Кажуць**, што мастакам, літаратарам і шмат каму з адораных творчых асобаў адкрыта таямніца стваральнага працэсу, які схаваны ад звычайных смяротных (СБ. Беларусь сегодня, 19.08.2019).

В дополнение к определенной содержательной свободе и отражению хода рассуждения автора для придания полемичности медиатексту вкрапления додуманной (и неавторизованной) чужой речи могут реализовать манипулятивную стратегию, к примеру, «тактику приклеивания ярлыков», что влечет за собой «деформацию образа референта в создаваемом информационном поле» [14, с. 146]. В приведенном фрагменте прямой речи эксперта, цитируемого в аналитической статье, говорящий моделирует (придумывает) слова генерализованного субъекта речи (американцев): *Зразумела, што амерыканцам трэба зарабіць. І яны кажуць палякам: «Сябры, вы адкрываеце рынак, мы туды пастаўляем прадукцыю, зарабляем на вас і на вашых грамадзянах». Але ў Польшчы, гістарычна так склалася, вялізны аграрны сектар. Прытым прыватны сектар фермераў. І яны кажуць: нічога, маўляў, мы гэтых вашых фермераў збанкрутуем, яны для нас не ўяўляюць ніякай сілы, вы прымяніце паліцэйскія падраздзяленні, яны задушаць усе гэтыя бунты»* (Звязда, 13.03.2024).

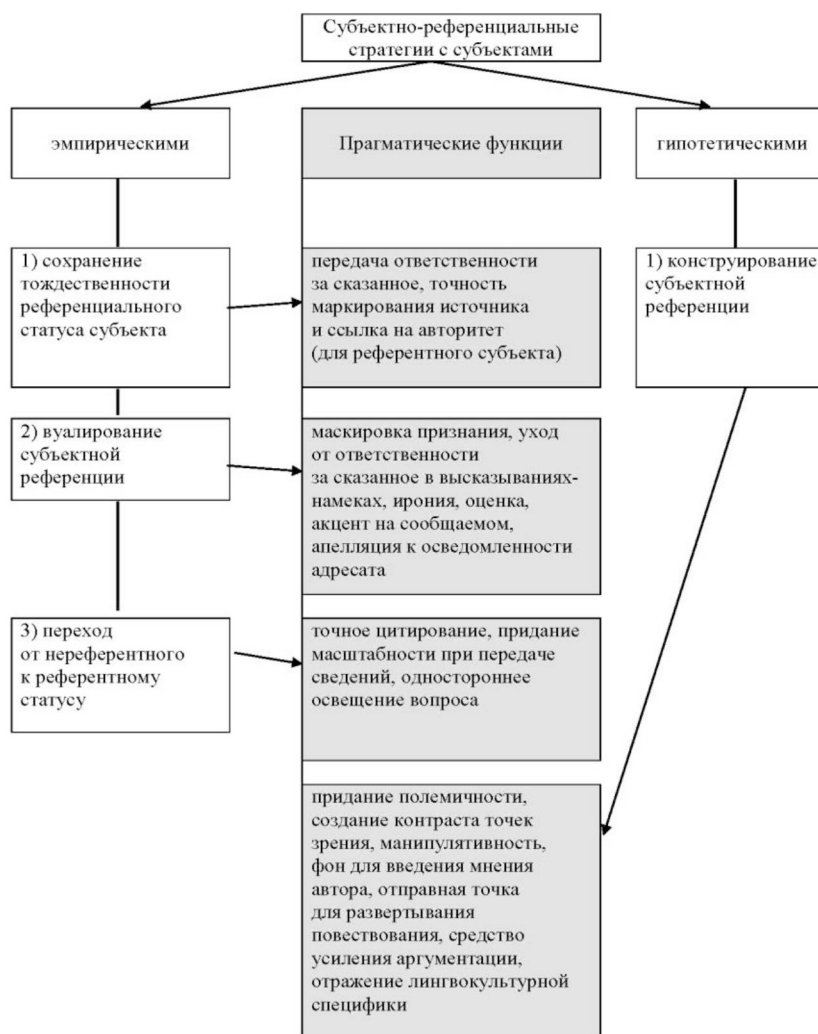
Иногда моделирование неавторизованной чужой речи, мнения или оценки позволяет говорящему создать контраст и использовать ее как фон для введения собственной точки зрения или для убеждения в правоте представленного далее в тексте своего подхода, который находится в более сильной коммуникативной позиции. Для этого в белорусскоязычных медиатекстах может использоваться гипотетическая неспецифицированная субъектная референция: *Хтосьці думае, што мастацтва павінна быць прыгожым, хтосьці ўпэўнены, што павінна выяўляцца эмоцыямі, скандалам ці правакаваць. А я мяркую, што мастацтва павінна ствараць адносіны паміж творам і глядачом* (Літаратура і мастацтва, 04.05.2018); *Некаторыя лічаць, што новыя значэнні ў запазычанага слова з'яўляюцца гадоў праз пяцьдзясят... Ёсць яшчэ меркаванне, што век неалагізма – 10–15 гадоў. Але мне падаецца, што гэта ўвогуле вельмі мала* (Звязда, 25.02.2024).

Придание полемичности и введение контрастивных точек зрения в медиатекст может осуществляться при помощи псевдореферентных номинаций, которые представляют собой особый вид семиотической связи между планом выражения и планом содержания языковых знаков с учетом физического несуществования объекта-референта, природа и механизмы

которой отражают когнитивные (воображение, фантазия, понимание и т.д.), семиотические (референция, прагматика и т.д.) и лингвокультурологические аспекты коммуникации для построения «возможного мира» или для реализации идиостиля (языковой игры) автора [15]. В практическом материале представлены случаи цитирования несуществующих субъектов, которые являются продуктом творческой фантазии писателя: ***Вядомы літаратурны персанаж Астан Бэндэр сцвярджаў, што ёсць 400 параўнальна сумленых спосабаў адабрання грошай у насельніцтва*** (Маяк Прыдняпроўя, 07.09.2017); ***Увогуле дзіўна тасуецца калода, як казаў булгакаўскі персанаж*** (Звязда, 11.07.2013) или элементом культурологического пласта, представленного белорусской ссылочной конструкцией-фразеологизмом «як той казаў»: ***А дома, як той казаў, і сцены дапамагаюць*** (Голас Касцюкоўшчыны, 01.11.2021); ***Як той казаў, у страху вочы вялікія*** (Звязда, 23.05.2017). В отношении данной специфичной для белорусского языка конструкции не всегда имеет место апелляция к осведомленности адресата и общему культурному фонду знаний, сравним: ***Гэта менавіта тыя, як той казаў, «дэпрэсійныя» раёны, перад кіраўніцтвам якіх стаіць задача дасягнуць узроўню паспяховых*** (Голас Касцюкоўшчыны, 01.11.2021). В современном языкознании для данной конструкции установлены следующие функции: авторизация, самовыражение языка и заполнение его речемыслительных лакун, стилизация разговорной речи, апелляция к осведомленности адресата, обеспечение диалогичности дискурса, речевая этикетная функция [16, с. 79].

Гипотетическую субъектную референцию в белорусскоязычных медиатекстах представляют и нарицательные существительные, которые употребляются преимущественно или только нереферентно и выполняют характеризующую функцию. К нереферентным именам относят качественные и оценочные имена типа *чудак, плакса, умница, молодец* и т.п., функциональные имена, которые именуют лицо по его профессиональной деятельности (такие наименования могут быть референтны, только когда собеседники знают, о каком конкретном человеке идет речь), существительные с явной характеризующей функцией, в частности общеоценочные [3, л. 25–26]. Например: ***Некаторыя «вастракі» і так кажуць: ад «дзякуй» сыты не будзеш*** (СБ. Беларусь сегодня, 30.07.2010); ***Вопытныя майстры слова кажуць, што верш лепш пакідаць крышку незавершаным, каб чытачы самі дадумвалі ход тваёй думкі і логікі, каб маглі паспрачацца паміж сабой*** (СБ. Беларусь сегодня, 19.08.2019). Как правило, подобные вкрапления выполняют интродуктивную, фоновую функцию для развертывания повествования или усиления аргументации.

Представим в виде схемы полученные результаты (рисунок).

Корреляции субъектно-референциальных стратегий и их прагматических функций в белорусскоязычных медиатекстах

Таким образом, в белорусскоязычных медиатекстах установлены две группы референциальных стратегий субъектных компонентов конструкций (де)авторизации, действующих в пространстве целого текста. В рамках первой группы, сопряженной с эмпирическими субъектами, установлены следующие референциальные стратегии: сохранение тождественности референциального статуса субъекта, вуалирование субъектной референции и переход от нереперентного к референтному статусу. Для второй группы, сопряженной с неэмпирическими (гипотетическими) субъектами, характерна стратегия конструирования субъектной референции.

Прагматическими функциями тождественного референциального статуса для всех разновидностей субъектов является передача ответственности за сказанное, при этом дополнительными задачами для референтного субъекта выступают точность маркирования источника информации и ссыла на авторитет. При вуалировании субъектной референции спектр прагматический задач включает маскировку признания, уход от ответственности за сказанное в высказываниях-намёках, иронию, оценку, акцент на сообщаемом, апелляцию к осведомленности адресата. В случаях перехода от нереперентного к реперентному статусу в результате сужения референциального объема субъекта прагматические эффекты могут варьироваться от точного цитирования, придания масштабности при передаче сведений до одностороннего освещения вопроса.

Стратегия конструирования субъектной референции демонстрирует максимально широкий из выявленных стратегий прагматический потенциал, поскольку может предоставлять говорящему определенную содержательную свободу, придавать полемичность медиатексту и создавать контраст точек зрения, реализовать манипулятивную стратегию, служить фоном для введения собственной точки зрения или отправной точкой для развертывания повествования, выступать средством усиления аргументации, отражать лингвокультурную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голиков, В. Д.* Феномен референции : монография / В. Д. Голиков, Э. Р. Касимова. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 204 с. – (Научная мысль).
2. *Минкин, Л. М.* Номинация и референция как аргументы иллокуции в высказывании / Л. М. Минкин, И. С. Шевченко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2, ч. 2. – С. 9–18.
3. *Гусева, С. С.* Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. С. Гусева. – М., 2017. – 174 л.
4. *Ким, И. Е.* Теория референции : учеб. пособие / И. Е. Ким ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 120 с.
5. *Арутюнова, Н. Д.* Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубеж. лингвистике. – М., 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : проблемы референции. – С. 5–40.
6. *Артемьева, Ю. В.* Влияние интерференции и референции на перевод / Ю. В. Артемьева // Вестн. Воен. ун-та. – 2010. – № 3 (23). – С. 129–132.

7. *Бразговская, Е. Е.* Референция и отображение (от философии языка к философии текста) : монография / Е. Е. Бразговская.– Пермь : Перм. гос. пед. ун-т., 2006. – 196 с.
8. *Шилихина, К. М.* Ироническая референция в дискурсе / К. М. Шилихина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011.– № 2. – С. 134–139.
9. *Шунейко, А. А.* Лингвистическая экспертиза : учебник и практикум для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенк. – М. : Юрайт, 2024. – 333 с.
10. *Яковлева, Е. В.* Теория референции и теория психосистематики / Е. В. Яковлева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2011. – № 131. – С. 226–233.
11. *Гапанович, Е. А.* Референциальные возможности номинаций коллективного субъекта в белорусском и французском языках / Е. А. Гапанович // Универсальное и национальное в языковой картине мира : сб. науч. ст. по итогам IV Междунар. науч. конф., Минск, 24–26 окт. 2019 г. : в 2 т. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Р. Ф. Сахарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – Т. 2. – С. 71–78.
12. *Руженцева, Н. Б.* Авторизация дискурса СМИ: к проблеме прагматической и стилевой свободы журналиста / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2 (98). – С. 12–21.
13. *Рябцева, Н. К.* Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
14. *Сальникова, Ю. А.* Об одном из видов референциального манипулирования в англоязычном медиадискурсе (на материале текстов о российско-украинских отношениях) : в 2 ч. / Ю. А. Сальникова, А. А. Мишко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 3 (57), ч. 2. – Тамбов, 2016. – С. 144–147.
15. *Кулакова, Ю. В.* Псевдореферентная номинация в аспекте перевода (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Кулакова ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2010. – 28 с.
16. *Канюшкевіч, М. І.* Хто такі ТОЙ і што ён казаў? (Ужыванне спалучэння ЯК ТОЙ КАЗАЎ у беларускім маўленні) / М. І. Канюшкевіч // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – № 2 (2). – С. 79–94.

Поступила в редакцию 10.05.2024